18. Столыпин Д. Развитие сельскохозяйственной промышленности (переселение на новые места). – СПб., 1896. – 27 с.

Заруба В.Ю.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ

В современном мире неуклонно растет роль субъективного фактора в жизни природы и общества. Еще в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. ученые Римского клуба признали, что надвигающийся кризис человечества состоит в том, что оно неспособно подняться до уровня своего собственного технологического могущества, осознать новые обязанности и произвести переоценку ценностей. [1, С.73] Социальные, технико-экономические, культурные контрасты переросли национальные рамки и приобрели глобальный характер, так как сферы территориальных интересов отдельных человеческих сообществ сомкнулись. Участков суши, не вовлеченных в хозяйственную или хотя бы политическую деятельность, не осталось. Развитие транспорта, средств связи и рост скорости перемещения людей, товаров и информации сделало расстояния и разницу в климате малосущественными. К тому же, информация стала распространяться с наибольшей скоростью, опережая мыслительную деятельность человека и собственно транспорт.

Военно-политическая функция государственных границ сменилась административной, а взаимодействие государств сместилась из области войны в область технологий и интеллекта. Страны в зависимости от уровня развития либо сосредоточились на выпуске сложной и чистой наукоемкой продукции, либо вынуждены терпеть грязные технологии и переработку отходов. В мире сложилась парадоксальная ситуация: часть государств достигли таких стандартов жизни, которые невозможно обеспечить при существующих технологиях для всего человечества. Однако если раньше жители колоний имели смутное представление о том, как живет метрополия, то в течение XX в. ситуация кардинально поменялась. Появление ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, распространение международных программ и проектов, унификация образования привели к тому, что сведения об уровне жизни, стандартах потребления стали достоянием гласности, человечество знает об этих стандартах и нередко стремится на них ориентироваться.

В своей книге А. Печчеи пишет, что неуправляемое развитие человечества достигло переломного момента. Поэтому опасно безоглядно доверять дальнейшему научно-техническому и промышленному прогрессу,

который медленно, но верно ускользает из-под контроля человека. [1, 181] Рассчитывать найти выход из положения за счет простой переориентации развития мировой системы практически невозможно, ибо мировые процессы слишком сложны, непонятны и далеки от сферы повседневных жизненных интересов рядового человека. Хотя, по мнению А.П. Назаретяна, человечество уже с момента своего появления стало глобальным фактором, [2] долгое время антропогенные кризисы не охватывали всю территорию планеты одновременно за несколько десятков лет, а социокультурные и ценностные моменты не играли основополагающей роли.

Одной из важнейших и наименее изученных проблем современного мира является демографическая. Впервые в истории человечество получило возможность сравнить полюса перенаселенности и депопуляции, являющиеся полюсами богатства и бедности, по очень многим параметрам, имея на руках достоверные факты. Реакцией на это сравнение стало то, что А. Бэттлер назвал “синдромом любви и ненависти” менее развитых государств к более развитым. [3, 56] В таком контексте очень важно рассмотреть именно демографическую составляющую глобального кризиса, который считается самым драматичным в истории человечества не только потому, что он, так сказать, самый “свежий”, но и потому, что его ход и последствия затрагивают всех без исключения людей, находящихся на Земле. Глобальные изменения политической карты мира во многом определяются динамикой этнологических, демографических и социальных процессов. Геополитическая специфика этих изменений обусловлена современным состоянием человечества.

Существующие исследования в области геополитики, безусловно, затрагивают проблемы населения, но в основном не в качестве основного объекта исследования, а с точки зрения пассивной, фоновой составляющей [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13]. Например, Ю.П. Платонов в своем учебном пособии больше внимания уделяет этническому и пространственному фактору геополитики на материале России и мира [11, 22-24]. Связь экономики и политики с развитием человеческих популяций прослеживает в своих трудах М.А. Поджарский, раскрывая информационный и энергетический факторы существования общества, а также указывая на связь циклов существования государства с глубинными демографическими процессами [14, 22-23]. Наиболее значимым произведением в данной области является статья о геополитическом аспекте депопуляции в России О.Д. Захаровой и Л.Л. Рыбаковского, в которой поставлен вопрос о негативном влиянии сокращения населения на политическое освоение огромных территориальных пространств [15, 50].

Кроме того, огромный пласт проблем миграции больших групп людей, начавшейся во второй половине XX в., был поднят в научной серии "Международная миграция населения: Россия и современный мир", издающейся с 1999 г. на средства Фонда народонаселения ООН кафедрой народонаселения Московского университета. В последних сборниках поставлен вопрос о демографической безопасности в связи с ростом диспропорций в населении и социально-экономическом развитии разных регионов планеты. Украинские ученые также приняли участие в этих сборниках, осветив причины и характер миграций населения Украины в конце XX в. [16, 78].

Л.Л. Рыбаковский определил демографическую безопасность как функционирование и развитие популяции как таковой, ее возрастно-половых и этнических параметров, соответствие ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении целостности, суверенитета, независимости и сохранении соответствующего геополитического статуса [17, 19].

Миграция затрагивается и в большинстве учебников по демографии, хотя это больше социальный процесс, чем демографический. [18, 19, 20] Однако он серьезно влияет на структуру, а значит и на воспроизводство населения отдельных регионов. Это, в свою очередь, отражается на потребности в пространстве и его освоении, в том числе и политическом. Поэтому автору представляется, что связь геополитики и демографии, а также проблемы демографической безопасности имеют общемировое значение, но отличаются в зависимости от величины территории и характера демографических процессов.

Цели данной статьи – показать взаимозависимость таких, казалось бы, отдаленных друг от друга областей, как геополитика и воспроизводство населения, и проследить соответствие геополитического баланса демографическому. На базе уже имеющихся исследований автор предполагает проследить, как гиперпопуляция и депопуляция, старение и диспропорции населения могут повлиять на международные отношения и мировую политику.

Когда формировалась геополитика (а равно психоанализ, ядерная физика, марксизм-ленинизм и фашизм), то есть во второй половине XIX в., ни в одном европейском государстве, США, Канаде, Австралии даже не могли себе представить малодетные семьи и тем паче депопуляцию. До конца первой мировой войны воспроизводство населения мало чем отличалось по регионам, расам и этносам: все помнили о биологическом законе – поколение детей должно быть больше поколения родителей. Монаршая семья Российских императоров в течение всего XIX в. могла служить образцом для подражания – у каждой четы за исключением

Александра I было не менее четырех детей. Император Александр III имел пятерых. Королевские семьи Европы тоже не отставали: Николай II отмечало в своем дневнике, что, когда съезжались в гости к кому-либо из европейских родственников, не хватало комнат и подросткам приходилось ночевать в приемных [21, 19].

Развитие медицины, промышленных и транспортных технологий в течение XIX в. привело к тому, что западные государства и Россия постоянно бросали вызовы остальному миру, так как техническое превосходство сопровождалось территориальными захватами и доминирующей демографической экспансией. Остальные народы, находящиеся на разных стадиях первобытного и аграрного общества, не могли противостоять этому вплоть до второй мировой войны. Во-первых, этому способствовали нетипичные болезни, например, оспа, к которой европейцы оказались более устойчивы, чем коренные жители американского континента, во-вторых, крепкие спиртные напитки, превращавшие в алкоголиков широкие массы покоряемых народов из-за того, что их организмы не были генетически приспособлены к расщеплению и усвоению алкоголя (например, чукчи, ненцы, айны, эскимосы, индейцы) [22, 33].

В результате к середине XIX в. ареал расселения белой расы увеличился примерно в 10 раз, а ее удельный вес составлял не менее трети всего населения Земли, причем это соотношение сохранялось до 30-х гг. XX в. [23, 122]. Поэтому некоторые авторы даже придерживаются мнения, что глобализация населения стала первой и главной формой глобализации, которая породила все остальные – экономическую, финансовую, информационную и пр. По мнению В. Галицкого, развитие капитализма, демографический взрыв на Западе и в России стал возможным только благодаря демографической глобализации. При этом активно использовался демографический ресурс колоний в качестве дешевой рабочей силы и низовых звеньев управления колониальными империями [24, 88].

В 20-е годы XX в., после окончания первой мировой войны, европейские государства независимо от ее результатов для каждой отдельной страны оказались перед проблемой депопуляции, так как рождаемость снизилась практически до границы нулевого прироста – 24-26 детей на 10 женщин фертильного возраста. Реакцией совершено различных по своей политической ориентации правительств Франции, Германии и Италии в 20-е – 30-е гг. XX в. были меры по стимулированию рождаемости в браке и поддержке семей с детьми. Например, во Франции в 1922 г. был принят специальный закон, запрещающий публичное упоминание об абортах и рекламу средств контрацепции. Все эти меры сопровождались воспитательной работой и социальной рекламой, повышающей престиж семьи, имеющей детей. [25, С.189]

Даже фашистское правительство Германии сразу по приходу к власти начало разворот в ценностной ориентации немцев на заботу о семье. Об этом свидетельствуют законодательные акты, принятые в 30-е годы:

- 1 июня 1933 года было установлено предоставление брачной ссуды;
- 15 сентября 1935 года принято постановление о субсидии на детей;
- 30 апреля 1938 года принят закон регулирующий возможность расторжения брака при бездетности;
- 9 декабря 1940 года принято постановление, предоставляющее право на получение субсидии на третьего и каждого последующего ребенка независимо от уровня дохода. Продолжительность получения субсидии увеличена с 16 лет до достижения детьми 21-летнего возраста [26, 45-47].

Естественно, фашизм был ориентирован на биологическое развитие и территориальные захваты, предполагая к тому же организовать депопуляцию сверху на завоеванных территориях.

СССР ограничился запретом абортов в 1936 г., насильственной и ненасильственной (в большинстве случаев пропагандистской) стимуляцией переселения больших масс людей за Урал, но даже эти меры привели к росту рождаемости.

Окончательно ситуация с демографическими диспропорциями между Севером и Югом, Западом и Востоком, внутри бывшего СССР поменялась после второй мировой войны, когда доля населения развивающихся стран достигла к 1950 г. 68 %, а к 2000 – 80 % [27, 176]. Создание ООН и ЮНЕСКО, международная помощь бывшим колониям, постепенный рост образования привели к тому, что демографический переход в странах Азии и Африки пошел более быстрыми темпами, чем в Западной Европе и Российской империи в XIX в. Действие общеисторического закона неравномерности развития привело к тому, что на сегодняшний день на первый план выдвинулся миграционно-демографический передел мира, затмивший собой экономический. Главный конфликт при этом – это не передел рынков или сфер влияния, а конфликт двух типов воспроизводства населения и ценностного отношения к семье, браку, рождаемости и смертности.

С.П. Капица полагает, что на современном этапе, когда мировое развитие идет неравномерно во всех сферах включая демографическую, возможна потеря устойчивости социальной системы в целом, что может привести к войнам и конфликтам – как за ресурсы, так и просто за территорию [28, 70]. Здесь следует учитывать, что за время демографического перехода численность населения Европы возросла в 3-4 раза, а ВВП на душу населения при этом увеличился в 10-15 раз. В Африке данный про-

цесс привел к росту населения в 6-8 раз, но за более короткий исторический период, а ВВП на душу населения увеличился только в 2-3 раза. [27, 172]. То есть, масштаб диспропорций имеет определенное цифровое содержание и объясняет последствия этих изменений.

Следует обратить внимание на то, как в ходе демографического перехода меняется отношение к территории, государству, этническому и политическому сообществу. В доиндустриальном обществе независимо от уровня его развития (т.е. включая первобытность) человек жил непосредственно на земле и был, в силу неразвитости коммуникаций, привязан к определенной территории. При этом любому члену общества было совершенно очевидно, что он не выживет в одиночку, поэтому в основе этики и ценностных ориентиров находились именно территория и сообщество как условия и гарантии выживания каждого [28, 44]. Формирование аграрных государств, патриархальной семьи и мировых религий усложнило и упорядочило представления людей о себе и мире в рамках именно этой парадигмы.

Иными словами, в развитом аграрном обществе главными, базовыми ценностями личности и общества были хозяйственно освоенная территория как гарантия обеспечения материальных потребностей и государство как гарантия безопасности. Развитие промышленности, рост квалификации и уровня образования, урбанизация привели к тому, что все меньше и меньше людей работали с землей и “живым” материалом – растениями и животными. Их взаимодействие с землей опосредовалось сложными орудиями и промышленным характером труда, а также системой товарно-денежных отношений, которые из поколения в поколение снижали экономическую функцию семьи и делали производство материальных благ непосредственно общественным, включая предметы потребления, которые аграрная семья изготавливала самостоятельно.

Из-за этого изменилось ценностное отношение к земле и к территории. Оно стало более утилитарным, так как земля оставалась средством производства. Но эмоциональная привязанность, бескорыстное обожание отошли на второй план или вообще исчезли. Насильственная коллективизация сельского хозяйства СССР в 20-е – 30-е гг. вообще снизила привлекательность занятости в сельском хозяйстве и сельского образа жизни до минимального предела, что породило не только кризис в экологии и сельском хозяйстве, но и снижение привязанности к своей исконной территории у части населения после развала Советского Союза. Если в XVII – XIX вв. из Европы в колонии и Америку выезжал избыток трудоспособного и населения в процессе быстрого роста, то из Украины к началу XXI в. выехали на заработки или другими целями от 5 до 7 миллионов человек в условиях начавшейся депопуляции, причем точное количе-

ство до сих пор никто не отследил. И это при том, что в стране имеются пустующие села и сокращается площадь обрабатываемых земель.

Следует также учитывать, что костяком трудовой миграции вплоть до конца XX в. были в основном мужчины, которые оставляли дома жен и периодически к ним возвращались. А в конце XX – начале XXI в. ситуация поменялась с точностью до наоборот: женщины, быстрее осваивающие иностранные языки и приспособляющиеся к иному образу жизни, активно включились в поток трудовых мигрантов. Безусловно, на поверхности такой ситуации лежит более тяжелое экономическое положение женщин, однако в XIX – XX вв. все же привязанность к своей территории, дому, необходимость заботиться о престарелых не позволяла им надолго покидать свою территорию. Это, в свою очередь, обеспечивало уровень рождаемости, достаточный для замещения поколений.

Снижение доли тяжелых физических нагрузок в промышленности и рост трудоемкости самого производства постепенно привели к расширению занятости женщин в сфере наемного труда, что постепенно, но необратимо изменило не только семейные роли, но и ценностное отношение к семье и браку. В течение XIX в. социальная функция семьи неуклонно сокращалась из-за формирования системы социального, пенсионного, медицинского страхования, пособий по безработице, стипендий и пр. Исчезла очевидная экономическая зависимость половозрастных групп внутри семьи друг от друга. Она, естественно на самом деле сохранялась, но не прослеживалась в рамках одной семьи.

Из-за этого изменились как гендерные, так и ценностные отношения. Семейная жизнь для людей перестала быть только средством продолжения рода и обеспечения старости. А потребность сообщества (этноса, граждан, государства) в воспроизводстве практически перестала влиять на поведение членов семьи, так как после мировых войн снизилась его функция в обеспечении внешней безопасности. Кроме того, из-за быстрого снижения смертности в течение XIX – XX вв. появились государства с очень высокой плотностью населения, а значит, и с очень тесными и неконтролируемыми социальными связями между людьми: Монако – 15,5 тысяч человек на 1 квадратный километр, Сингапур – 4,5 тыс., Бангладеш – 800 человек. Из наиболее крупных государств самая высокая плотность населения в Китае – 125 человек на 1 квадратный километр, в Индии – 300, в США – 27. Наименее низкая плотность населения в Канаде и России [11, 122].

В XXI в. не только привлекательные рабочие места, но просто наличие свободных, малоосвоенных территорий могут стать привлекательными для миграции больших масс людей из перенаселенных регионов. Хотя в настоящее время рождаемость снижается во всем мире,

китайские исследователи признают, что прекращение роста населения может быть достигнуто только к 30-м годам XXI века на отметке 1,5 – 1,6 млрд. человек. Однако наблюдаемые сегодня низкие показатели рождаемости в Китае нестабильны, так как с осени 2002 г. правительство разрешило рожать вторых детей, а в селах рост населения всегда контролировался слабо, так как крестьяне не получали от государства помощи на детей.

К тому же, диспропорции между полами в категории брачного населения составляют не менее 40 млн. чел. в пользу мужчин, так как в условиях жесткого контроля над рождаемостью семьи стремились заводить сыновей, а не дочерей. Сами граждане и правительство ставят вопрос о ввозе невест из других стран региона. Поскольку, в отличие от США, Европы или России/СССР снижение суммарной рождаемости в Китае не было ни постепенным, ни стихийным, а огромную роль играли политика "кнута и пряника", административное вмешательство, существует объективная возможность возвратного движения сжатой пружины в случае ослабления политики планирования рождаемости. Такая тенденция станет особенно вероятной, если коэффициенты будут ниже уровня замещения. Эффективность внеэкономического принуждения может упасть до нуля, а противодействие ограничению рождаемости возрастет даже со стороны тех слоев населения, которые пока остаются лояльными к политике жесткого планирования рождаемости. Поэтому, по мнению самих китайцев, подавляемые потенции роста могут выйти из-под контроля и возобладать [29].

Что касается Индии, то там рождаемость все еще остается выше уровня простого замещения, хотя в последние пять лет она снизилась с 3,7 до трех рождений за жизнь на одну женщину. Индийские специалисты предполагают, что рост населения остановится к 2035 г. на уровне 1,5 млрд. чел. Однако индийские семьи нередко отказываются от рождения девочек из-за слишком больших материальных проблем, и на сегодняшний день в этой стране на 1000 мальчиков до 5 лет приходится только 927 девочек [30]. Не исключено, что со временем Индия столкнется с такими же диспропорциями в категории брачного населения, которые имеют место в Китае сегодня.

Кроме контрастов плотности населения, типа его воспроизводства и репродуктивного поведения существует порожденный ими, но лежащий больше в плоскости ценностных ориентаций людей, контраст в отношении к государству и готовности защищать его территорию. Все промышленно развитые страны Европы включая Россию испытывают кризис существования призывных армий. Нежелание молодых людей служить в армии усугубляется недоверием их родителей к государству и коррупци-

ей в учреждениях, которые должны этот призыв обеспечивать. К тому же, из-за преобладания малодетных семей армия вынуждена постоянно снижать требования к здоровью, психическому состоянию и уровню образования призывного контингента.

В этих условиях российские обществоведы расценивают ситуацию как катастрофическую, так как именно России из-за сложного цивилизационного окружения и большой продолжительности границ сложно не только защитить, но и просто контролировать свою территорию. Ряд ученых полагает, что западное общество ведет против России демографическую войну и предлагают решать демографические проблемы чрезвычайными методами [25, 189; 31; 32; 33, 75-76; 34, 98-99]. Автору представляется, что это едва ли возможно при сложившейся системе ценностей, так как они меняются очень медленно, а человеческое поведение инерционно. К тому же, поколение родителей, вышедшее в конце 50-х годов из малодетных семей, не в состоянии передать следующему поколению опыт и традиции многодетности, так как и в России, и в Украине, и на Западе многодетность стала уделом меньшинства населения или девиантов, которые игнорировали родительские обязанности.

Следует, однако, отметить, что в геополитическом смысле ситуация лучше в Украине, где отсутствуют малозаселенные территории и имеется более развитое окружение. Но показатели демографических процессов хуже как раз в Украине: коэффициент рождаемости составляет 1,1 ребенка на женщину, что в целом ниже, чем в России. Кроме того, трудовая и семейная миграция в Украине намного выше как раз из-за ее географического положения в центре Европы. На сегодняшний день примерно 7 млн. украинских граждан находятся вне территории Украины, а это 20 % трудоспособного населения [35, 19, 36]. К тому же, точные данные о трудовой, торговой и прочей миграции населения отсутствуют, потому что на государственном уровне информация не собирается. Ее получают в основном ученые методом опросов и экстраполяции. При этом само население не доверяет государству и не стремится с ним контактировать.

Участками наибольшего геополитического напряжения в современном мире могут оказаться места соприкосновения биологического и посбиологического воспроизводства населения, причем проблема будет не столько в миграциях или территориальных претензиях, сколько в ценностях и поведении. Автор согласен с С.П. Капицей в том, что рост независимости человечества от внешних ресурсов, развитие технологий и инфраструктуры выведет на первый план влияние демографического императива [37, 45]. В этом направлении необходимы комплексные исследования с применением сравнительных методов, экстраполяции, математического моделирования процессов.

Необходимость воздействовать на глобальные процессы уже в обозримом будущем требует совершенно иного подхода не только к исследованию глобальных демографических процессов, но и должной политической воли со стороны государств, понимания самостоятельного значения демографической безопасности. Многие народы и руководители государств рассматривают демографический рост как основную гарантию безопасности и выживания в мире. Однако в условиях быстрого и неконтролируемого демографического роста существует опасность возвращения к биологическим регуляторам роста популяции, с одной стороны, и деградации в сторону различных видов геноцида, с другой. Вообще проблему демографического содержания этнополитики следует рассмотреть отдельно в контексте этапов развития и взаимодействия различных этносов.

В ходе рассмотрения вышеизложенного материала автор пришел к следующим выводам.

– Экономический рост может обгонять демографический при определенном уровне технологий, но только при очень высокой степени освоенности территории.

– Столкновений между государствами можно избежать только на базе создания каждым из них концепции демографической безопасности в соответствии с собственными реалиями и традициями, так как универсальный рецепт для Китая, Индонезии, России и Украины изобрести невозможно. Скорее всего, более-менее развитым государствам придется пересмотреть свои доктрины национальной безопасности в сторону развития демографической составляющей или даже создать самостоятельную доктрину. Это особенно касается тех стран, в которых демографический переход произошел однобоко, а принцип единства рождаемости и смертности нарушен: смертность снижается более медленными темпами, чем рождаемость. В таком состоянии находятся и Россия, и Украина, но в первой положение острее из-за слишком большой территории и неравномерной заселенности.

– Социокультурный и ценностный моменты в демографическом развитии на современном этапе играют основополагающую роль, недооценка которой в некоторых случаях может усилить диспропорции в населении и породить агрессию по отношению к определенным, чаще наименее защищенным его частям (скорее всего, это будут женщины и пожилые люди).

– Государствам придется согласовать свои концепции демографической безопасности и на международном уровне пересмотреть отношение к цене и ценности человеческой жизни как таковой, но автор считает, что это дело будущего. В настоящее время геостратегия всех разви-

тых государств базируется на структуре и потребностях собственного населения, поэтому они склонны через ООН навязывать модель планирования семьи, которая выгодна им, но ведет к быстрой депопуляции в странах *Восточной Европы и бывшего СССР*.

– В настоящий момент у человечества есть выбор, какой из геополитических сценариев будет реализован:

Катастрофический (П. Бьюкенен, С. Хантингтон, В. Башлачев, А. Кольев, Е. Жеребицикий, П. Бурдуков, организаторы терактов).

Оптимистический (А. Печчеи, С. Капица, А.П. Назаретян).

Утилитарный (каждое государство за себя).

– Однако времени осталось достаточно мало – началом кризиса автор считает 20-е – 30-е гг. XXI в., когда большинство промышленно развитых стран повысит пенсионный возраст до максимального предела, а в Китае начнет выходить на пенсию многочисленное поколение, рожденное в годы культурной революции до начала политики ограничения рождаемости. Именно в это время демографический рост достигнет своего пика в глобальном масштабе.

Список литературы

1. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. – М.: Международные отношения, 1993.
2. Башлачев В.А. Русская расовая бухгалтерия // Расовый смысл русской идеи: Сб. статей. – Вып. 2. – М.: Аделиз, 2001. – С. 123-134.
3. Борисов В.А. Демография; Учебник для студентов гуманитарных вузов. – 2-е изд. – М.: Nota Bene. – 2001.
4. Буранов Ю. Хрусталев В. Романовы: Уничтожение династии. – М.: Олма-Пресс, 2000.
5. Бурдуков А.Д. Орлов А.И. Демография, как продолжение политики // Расовый смысл русской идеи. – Выпуск 1. – М.: Аделиз, 1999. – С. 91-113.
6. Буровский А.М. Идиллический палеолит? // Общественные науки и современность. – 1998. – № 1. – С. 56-68.
7. Бэттлер А. Контуры мира в первой половине XXI века и чуть далее // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – №1. – С. 46-55.
8. Введение в демографию**.** /Ред В.А. Ионцев А.А. Саградов**. –** М.: ТЕИС, 2002.

9. Галецкий В.Ф. Социально-экономические последствия демографической глобализации // Проблемы прогнозирования. – 2003. – №6. – С. 35-52.
10. Галецкий В. Феномен демографической глобализации // Расовый смысл русской идеи. – Выпуск 1. – М.: Аделиз, 1999. – С. 114-132.
11. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). – СПб., 2000.
12. Гнибіденко І. Проблеми трудової міграції в Україні та їх вирішення // Економіка України. – 2001. – № 4. – 24-31.
13. Голос України. – 2003. – 7 лютого.
14. Гундаров И.А. Пробуждение: Пути преодоления демографической катастрофы в России. – М., 2001.
15. Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. М., 1997; переизд. 1999.
16. Захарова О.Д. Рыбаковский Л.Л. Геополитические аспекты депопуляции в России // Социологические исследования. -1997. – № 6. – С. 48-49.
17. Капица С.П. Модель роста населения Земли и предвидимое будущее цивилизации // Свободная мысль-XXI. – 2002. – №8. // Postindustrial.net/
18. Кинг А. Шнайдер Б. Первая глобальная революция: Доклад Римского клуба. М., 1991.
19. Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций. – М.: Известия, 2002.
20. Колеман Дж. Комитет 300: Тайны мирового правительства. – М.: Витязь, 2000.
21. Куценко Б. Программа выхода из кризиса. // Расовый смысл русской идеи: Сб. статей. – Выпуск 1. – М.: Аделиз 1999. – С. 41-56.
22. Медков В.М. Демография: Учебное пособие. Серия “Учебники и учебные пособия”. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.
23. Медведева И. Шишова Т. Демографическая война против России // Наш современник. – 2000. – №1. – С. 51-64.
24. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику //ss.xsp.ru/.
25. Назаретян А.П. История и психология антропогенных кризисов: гипотеза техно-гуманитарного баланса // www.russianglobal-club.com/
26. Население и общество: Бюллетень. – 2002. – № 73-74. – 29 июля – 11 августа // Demoscope.ru/.
27. Население и общество: Бюллетень. – 2004. – № 163 – 164. – 1-15 августа // Demoscope.ru/.

28. Окольский М. Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XIX века: Взгляд с точки зрения демографии // Мир в зеркале международной миграции // Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. – Выпуск 10. – М.: МАКС Пресс, 2002. – С. 97-113.
29. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985.
30. Пирожков С. Українські пріоритети в геополітиці // Віче. – 2000. – № 5. – С. 65-72.
31. Платонов Ю.П. Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение): Учеб. Пособие. – СПб., 2000.
32. Поджарський М.А. Історичні події у світлі еволюції людських популяцій. Спроба аналізу глибинних причин розпаду держав // Вісник Національної академії наук України. – 1999. – № 10. – С. 20-30.
33. Поджарський М.А. Енергетичні та інформаційні аспекти формування людських спільнот // Вісник Національної академії наук України. – 2000. – № 10. – С. 20-30.
34. Расовая гигиена и демографическая политика в национал-социалистической Германии – М.: Русская Правда, 2000.
35. Руткевич М.Н. Демографическая катастрофа: где выход? // Свободная мысль – XXI. – 2002. – №6 // Postindustrial.net/.
36. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты и миграция // Миграции и национальная безопасность: Сб. статей // Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Ред. В.А. Ионцев. – Вып. 11. – М.: МАКС ПРЕСС, 2003. – С. 15.
37. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – №1. – С. 67-78.
38. Хомра А. Миграции населения Украины в 1989 – 2001 гг. // Миграции и национальная безопасность: Сб. статей // Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Ред. В.А. Ионцев. – Вып. 11. – М.: МАКС ПРЕСС, 2003. – С. 111-123.